

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО. НАУКА.

№ 8.

Приложение к газ. „Звезда“

№ 8.

Молодая поэзия.

Бунтарская молодежь вступает в Октябрь и революцию. И вдруг выходит литературу, как в вымороочное на рвали из глубины революции слова следство, принадлежащее не тому, огромные, внезапные, страшные, кто имеет право, а тому, кто имеет Слова о человеке, как он есть силу овладеть старухой-литературой вправду,

Или—не овладеть, а отбросить, и «Нинка Синий, большой изнурен- свою боевую молодость витья астру- ный венерик.

Её поющею, звенящей кровью в од- рыхлевшее старое тело, возводить, грязных безумно влюбился».

Искусство рабочей молодежи—не ванная, из-известная, исстрадавшаяся богемы не различимостью якса, прокрачала эта слова, и буде- вновь, утомленных старым и тре- и сует еще говорить, пока хвати- бующих нового, как опиума. Новое приходит скромно, незвание, не слы- шанное никем раньше, приходит из глубины революции, рождается из ее потоков.

Говорили об искусстве, спорили о литературе, намечали пути для нее, предписывали в указывали, как должна она развиваться. А она, свое- вольная и непокорная, привела в изумление свои пути. Какие пути! Земные и вездесущие, порывистые, внезапные, пути матежа и освобо- дения, путь молодости и своеобразия.

Стихи М. Светлана—молотьбы Джона, не прошедшего из литературы на завод—восхищаются, как живут пролетарии, в фантазиях раздвигают завод до пределов солнечной системы. Не так! С завода бралась литература, с завода живого, стального, дымяного, окровавленного революцией, покерневшего в коротко в рабочем томлении двенадцатичасового труда.

Где же Джону с двумя руками—

По двадцать часов в день?

В то время, когда померкли в бескрайности до скучно-сладкой тошноты поэзия и прозаика, когда уже сил нет читать литературу, обклеенную ярлыками, патентами фабричными марками, когда мы захотели уже в запаханных, износивших плакатах, стишках про любовь в Айн Ахматовых, из эмигрантских проповедей Московского Пролеткульта, на комических язвах украинских мелкобуржуазных фантазеров, и когда перестали верить художественному национально-историческому, видрыву рассказов про революционный быт, про молодежь, вытеснила Петрова из стойла, поставила законченную мастерскую на разбиты революцией фундаментах храмов красоты, сказала свои слова, но от которых не подслушанные. Я—революция! Моя стихия—все тут!

Там говорили: поэзия делается; получас подработай, стань русским поэтом, сочини стихи по тысяче странице учебнику ритмики. Здесь же захотели никого слушать, кроме только

Валентин Рожицкий.

Смерть китайца.

Отрывок из рассказа «Китаец».

... Через площадь к станичному шагали пьяные офицеры; луна взвивала их молочно—белым светом, бросая зеленые, ярко-красные искры на погоны и пуговицы, за офицерами по посеребренной земле тянулись короткие, черные гены, как будто нарисованные гуашью. Син-Нин-Чху очнулся—он задремал, выпрямился, поднявшись к окну, направился, словно готовясь с приложкой, и так застыл—насторожившись и в чутко прислушавшись к гулу пьяных шагов, стараясь разобрать, о чем говорят офицеры, громкими голосами в смехом разбудившие лунную почту тишину. Сердце китайца билось непривычно тревожно, китаец дышал учащенно, с трудом, задыхаясь; лицо горело, точно из огна дул горячий ветер. До китайца долетала клятва фраз:

— ... китаец, говоришь?

— ... так точно, г. есаул...

— ... забавно, чорт возьмите!.. вика, воскликнул есаул.—Как вы думаете, г. капитан?.. ик.. не правда ли забавно?—

— ... эту сволочь надо вешать на месте...

— ... и повесим... ик.. до сини в синь!.. будем вешать...

Китаец с трудом разобрал, о чём говорили офицеры, но одновременно говорили о нем и его собираются вешать. Сердце китайца обозралось, как вблооо с ветки, и покатилось куда-то; он замер на месте, ослабев ногами прилип к полу, не мог двинуться—его будут вешать.

— ... один китаец?—продолжал распрашививать есаул.

— ... там еще четверо, г. есаул...

— ... Ик.. русские?

— ... Так точно...

— ... Ж-квидов нет?..

— ... Никак нет...

— ... И эту сволочь надо повесить...—процедил сквозь стиснутые зубы капитан...

— ... Не горопитесь, г. капитан, всех позовем.. никто не уйдет...

Офицеры и правомастый урядник, переваливающийся на краевых ногах, подошли к станичному. Казак-часовой лениво вытянулся, зябнув прикладом винтовки о землю. Вот—уже ступая, спотыкаясь, навалившись один на другого, зевая широкими глазами, офицеры поднялись по шагам ступенькам крыльца; вот—пршел последний, за них урядник, стукнув дверь, и стук был, как стук горста земли о гробовую доску—выхода нет.. Китаец поддался назад, приложив руку к замершему сердцу, с изаротающим ужасом прислушиваясь к приближающимся шагам офицеров; вот—все ближе и ближе...

— Да свети же, дурая твоя голова,—ругался за дверью есаул.

— Спинки тянут—отсырели...

— Я тебе покажу—отсырели...

И когда китаец сообразил, что можно бежать через раскрытое окно, что нужно спасаться, иначе повесят—было слишком поздно: дверь открывали. Китаец неслышно отступил в темный угол, попробовал

Прошения на имя бога. В засуху.

Не подмога.

Эй, крестьяне! Эта песня для вас. Навостри на песню ухо!

В одном селе,

на Волге как раз,

была засуха.

Сушь одолела—

не справиться с вея,—
а солнце сушит

сильней и сильней.

Посохи немного

и решали:— Попросим бога—

Деревня крестным ходом заходила,

и они

отмакали все кадила.

А солнце шарлат.

Под ногами

Уже не земля

— прямо камень.

Сидели сидели, лождика жда,

и решили—

помолиться

и ни послания дожди.

А солнце

так распалилось в высинах,

что каждый росток

на корню высок.

А другое село

по другому

с засухами

борьбу вели,

другими мерами:

агрономами обзавелось

да землемерами

землемер

объяснил народу,

откуда

и как

отвести воду.

Вел

землемер

с крестьянами речь—

как

загородкой

снега беречь,

Агроном учил:

— засевайтесь злаком,

который

на дождь

не особенно лаком;

засушливым годом

засевайтесь корнеплодом,

и выростут

такие брюквы,

что не подымете и парой рук вы.

Эй, солнце,

ну-ха,

Попробуй, совладай с наукой!

Такое солнце—

что дашишь еле,

а поля заселенели.

Огюда, ясно: молебен

в засуху мало целебен.

Чем в засуху ждать дождя по году,

Сам учарь устрашать погоду.

В. Маяковский.

Долой театральное искусство!

ши пресловутой характерности творческой вытеснены.

Все упреки в том, что эксперименты левого фронта неудачны—легковесны, ибо мы пытались создать се час не хороший (термин эксперимента) спектакль. Первый паровоз тоже был плох и двинулся типе впереди него изобретателя. Все заявления, что это новое искусство беззубко и потому (!!) не нравится пролетариату—смешны. Равно не те же красноармейцы рвали на портавшие гобелены Заводского дворца, а уж кажется эти гобелены «творились» «с душой». Для восприятия театрального спектакля нужна прежде всего полголовка зрителя, ибо пробки дядьки в футбол не побьют. А у нас пробки зрителя не было никогда. Все утверждают, что пролетариат (как дети, что ли?) надо пройти через академизм для подхода к новому—обнаруживаю ту эволюционную ка детски-меньшевистскую точку зрения, которая, как будто бы и не уместна в Социалистической Республике. Не надо забывать, что к социалистическому строю (хотя бы и условному) русский пролетариат шел через революцию прямо от монархии, а не эволюционно через демократическую республику, конституцию и прочие слепые кашки буржуазной государственности.

Гибель театрального искусства и замена его наукой несет смерть той либеральной части режиссуры и актерии, которые боятся губить, пренебрегая безответственно, на авось творить. Но довольно угадывать там, где нужно просто знать. Искусство—это такой же опиум для народа, как и религия.

Театральный штурм левого фронта как будто ослабел, прозаился, и в нашу враги ради. Но мы—защитники театрализма Октября—знаем, что перед победоносным Октябрем выывает разгромленное юльское восстание. Но если пуль дне подавлен—Октябрь неминуемо пропадет.

Работа левого фронта перешла в подполье мастерских и студий, и на изопонской улице торжествует театральная керенщина. Но времена изменили нас.

И каждый наш показ, каждая демонстрация нового механизма операционного спектакля это террористический акт, губящий старый театр. Мы можем и мы, а, как гласят извес азтраческое в евангелие:

— Падший меч—его достоин. Над морем горю пронест.

Вадим Шершеневич.

ли красоту его простого лица, опущенного от пьянства..

— М. я.. Кубань родная.. зачищала...—ответил он, хватая глаза.

Корниловцы рассмеялись; послышались остроты, направленные в сторону кубанца. Ескул испытал, толстые мясистые щеки заплыли барабанным румянцем; громадным кулаком он ткнул китайца в вубы. Китайец плузул кровью, но от боли не вскакнул, промаляв; в глазах сильнее загорелись черные искры иена-исти.

— Родную кубань защищал?— спросил, выходил из себя есаул.— Ах, ты, подлюка, старая китайская! Я тебя покажу родную Кубань, будешь меня помнить.

— Вряд ли тот, кто болтается на дереве помнит, что люблю—ленко про мымпил капитан и спросил.—Идем, что ли?..

— О, ваше благородие, есть сам главный.. — выступая вперед, пытливо проговорил есаул Петер, — ужик давно проснулся и без сапог стоял перед офицерами на вытяжку—руки по швам, выпрямившись, как на розине ученьи.

— Он нас из пулесета заставил адта.. А мы не хотели,—поддержал старшего Ескула.

Капитан, видимо, плохо соображал, с лица китайца он медленно пересел стеклянные глаза на Ванюху.

— Ты кто?—с удивлением спросил он в машинах рукой перед глазами—не сон ли это, не дьявольское ли нахождение; китайец превратился в четырех босых красноармейцев. «Дошелся» — с хладным ужасом подумал капитан и хватил

Коммунист о Син Хан-Чоне.

Литовцы белые,
ночной тиши нарушил сон,
Идут через красную границу.
Там часовой—китаец Син Хан-Чон
На дереве сидит, как птица.
Их выдает оружья звон,
Забыл отряд военную сноровку,
На дереве китаец Син Хан-Чон
Сжимает твердую винтовку.

О, Син Хан Чон, будь смел!
О, Син Хан Чон, будь молодцом!
О, Син Хан Чон, винтовку на прицел!
Син Хан Чон их угости свинцом!

Винтовку вскинул Син Хан Чон,
Встречая белую колонну.
Но был веловок Син Хан Чон,
Заметили литовцы Син Хан Чона.
«Эй, тут не место для ворон!
Слезай, не то винтовка скине!»
В ответ литовцам Син Хан Чон:
«Коймуня штавил, коймуня шнимэт!»
И бы и растраян Син Хан Чон.
Но Син Хан Чон погиб без стона.
Погиб героям Син Хан Чон
Пусть коммунисты славят Син Хан Чона.

Ято—Ма—Тот.

Синклер в тюрьме.

Синклер арестован. Уголовный судатель, но прямой публицист, но со склер—в тюрьме. Синклер—пленник писателя без желтой пальчики, но буржуазии.

Пусть так. Иначе не могло быть. — о, этого даже слишком много для Америки Юза и Самуэля Гомперса ареста вдруг прямо.

Какие обвинения ему предъявляют? Не все ли равно. Два-три ваящих склер—в тюрьме. Синклер—пленник писателя без желтой пальчики, но борец за интересы рабочих на деле.

Что же дальше? Бежуя из тюрьмы, Синклер сядет на скамью, только что оставленную Ферстером в Рузвельтом.

Перед государственным прокурором с юридическим званием и полномочиями предстанет Синклер, произнести еще одну, и уже наверно наиболее горячую прокурор, более грозный и обличительную речь.

Но результаты ареста уже налицу. Заключением в тюрьму буржуазии любовно описал Синклер на своих страницах, кому он отдал пролетариата. Кто его пленен—тот наш!

Процесс Синклера будет проходить в Американско-буржуазии.

Но до этого не дойдет. Одиночка камера—только последний шаг, который бы не знал его «Джимми Грутчего трибуна, никогда не выступающего публично и всегда внимательно выслушиваемого во всех концах мира».

Почему арестован Синклер? Писатель? Это не предусмотрено уголовным кодексом С. Ш. С. А. Путиловым?

Социалист?—во взыскательные вожди новой демократической свободной Америки культуры.

Гомперс, тоже социалист. Борец за рабочее дело, член международного общества помощи Соб. России? Хуже, но худшее. Но честный пи-

Бас.

усмехнулся кровью и дливной усмешкой, застывшей на лошадиных лицах.

Мы—тамбовские, земляки, взыскательные благородные.. По мобилизации... силой, значит, нас... Все они—капитаны, да жажды проклятия...

— Сгубите Рассею... — согласно проговорили мужчины.

Капитан слушал их и думал:— «так и есть: допился».

Есаул отмахнулся от них, как от мух.

Хорошо, хорошо, завтра разберем. А ты—марш!—приказал он капитану.

Китаец легкой походкой, неслышно ступая, как тень, направился к двери. Мужик, в угоду офицерам, посыпалась над капитаном, шутки шепти.

— Прощай, Севька! — радостно крикнул Банюха капитану.—Не помни лихом...

Син-Нин-Чху вывел из станичного, поставив возле тополя; предутренний ветер тихо шелестел листьями. Урядник проворно скользил за табакетом, переваливаясь на кривых ногах, как ткася.

— Весь-аты!—с оттяжкой приказали есаул, закатывая рукава башмета.—Да живее поварачивайся!..

— Сей-минут!—весело отозвался урядник за вливая за ветку деревьев, лади петлю.

Офицеры закурили папиросы. Есаул крикнул, проклиная кого-то; капитан пыльно раскачивался на широких растянутых длинных и тонких ногах в широких галифах, сонно клевал носом; фуражка с красным помятым верхом сползла на правый бок.

— И-икота в-замучила...—оправ-

Комсомол.

(Отрывки).

I.
Трубы, солнцем сожженные,
Хрипло дымят в эзакат..
Думашь: легко Джону
У станка?
Лет завод расплавленный камень..
Видишь: молот—и ему лень..
Где же Джону с двумя руками
По двенадцать часов в день?

II.

Джон в восемнадцать лет
Первый бунтарь в заводе..
Заб-стовочный комитет
Сегодня митинг проводит.
Мутно свинцовую грязь
Трубы устали выбрасывать...
Сегодня в заводе праздник
Пролетарский, Классовый.

III.

Кровли неровные гнутся
Под топотом скучающих бед...
Какие еще революции
Приснятся избе?
Вставала заря за порогом,
Закат золотил пустыни,
А теперь по иссохшим дорогам
Черной тенью машут ресты.
Смотрится вечер угрюмо
В тосклившую жуть избы...

IV.

Крылья зарев машут вдалеке,
Осторожный выстрел эхом пойман,
А у Васильи в скатом кулаке
Пять смертей, зажатые в обойму.
В темный час ленивая изба
Красный флаг напялила с опаской...
От идущей нечисти избавь,
Революция антихристова Васильи
Под папакой мокнет черный чуб
Беться взгляд, простреленный на
вылет.

V.

Джоном получен приказ
Собрать молодежь завода..
Каменный шеек станка
Джон свои руки отдал.
Джона года
Ждали машины...
Если надо, душу отдаст

В порядке союзной дисциплины.
VI.

Месяц в небе, задумчив и строг,
Стелет синий ковер на порог...
Упора месяца прочел
Непонятное:—«Комсомол».
Летер гладит и чешет с сну...
Хорошо бы сосне соснову...
Чью то грудь сберегла тишина
Хорошо бы Васильи узнать,
Хорошо бы винтовку с плеч,
Под лучи золотые лечь.

VII.

Джон и Васильи вдвоем идут...
В небе на туче прохожей
Ця-игранную стелет звезду
Коминтерн Молодежи..

М. Светлов

дат его жизнь, не доведя мести до конца, и привычно, вежливо и делительно улыбался.

— Затяги ай-ай!—энергично выругавшись, крикнул есаул; есаул надоела эта процедура—он думал о недопитом вине, женщине и теплой постели..

— Привыка же идея вешать китайца, не могли до утра подождать! Пoэты!—раздраженно подумал он и сердито спросил урядника:

— Готово?
— Так точно, г. есаул..
Есаул махнул рукой.

— Ну, с господом..
Урядник выбил табакетку из под ног капитана. Китаец без стона повис в воздухе, судорожно вздрогнул всем телом и неподвижно замер, длиною вытянув босые ноги, залитые лунным светом. Есаул нервно закурил папиросу и с отвращением передернул мощными плечами, словно наступив на то, что скользкое и противное. Капитан тупо смотрел на повешенного китайца, громко дышал, сопел длинным носом; его правая нога чуть подрагивала.

— Пойдемте, господа, вино допивать...—зевая, предложил есаул.

— И то дело!..
И офицеры направились к дому священника, по дороге уговорившись с урядником на счет женщины:

— Мне приятель о полненскую...—донасяла голос поручика.—Полненскую и горяченькую...

Китаец чуть-чуть покачивался на толстой веревке и в такт ему на земле покачивалась короткая, страшная и черная тень, как будто нарисованная тушью.

Китаец плакал в бессильной злобе, что ухом

Деревне.

За затылок соломяною рыхи,
За протухнувший запах овечий—
Все безумней себя за тебя ненавижу
Я—отверженный сын.

Для меня ты ясна и понятна;
Не привыкла переть на рожон,
Я впитал твои язвы и черные пятна.
Я душой как ты проказен.

Буду кровью лечить проказу,
Буду язвы твои вытравлять,
Чтобы братством светилась не для показу,
Извнутри не темнеть опять.

Чтоб могли оборваться нити,
Что стянулись на шее у всех жутом,
Чтоб на этом бесплодном граните
Расцвели цветы потом.

А. ДОРОГОЙЧЕНКО.

Гимн могил.

Каждой вочью,
Как только по городу
В крепком сумраке стихнет шум,
Под Кремлевской стеной,
В могилах,
Пробуждаются мертвены.
Черным строем встают из мрака,
Черным строем вступают в Кремль.
На измученных лицах—тревога,
На одеждах—
Застывшая кровь.
Твердым шагом
По древним ступеням,
На высокую башню Кремля,
Под кирничные своды восходят
И бесшумно
Становятся в круг.

Как по знаку привычно и мерно,
Шелели полуночной покой,
Медными голосами
Интернационал поют.
И слова
О последнем бою,
О воспринявшем роде людском,
Медным строем гудят над городом
Пробуждают,
Тревожат,
Зовут..
Каждой ночью
С Кремлевской башни
Раздаётся рабочий гимн—
Это мертвые о борьбе покоят,
Это мертвые будят живых.
Г. Санников.

Библиография.

П. М. Керженцев. Памятка орга-
низатора.

Хорошо памятный нашей организации своим последними докладами и статьями в местной прессе во время Всеобщей антифашистской конференции г. Керженцев выпустил недавно центральный руководитель организатора, управляющий неизвестного партай: от ряда мелочей, но ведущих по своим последним недочетам в текущей работе, присущими к плавнотности в работе. Простой перечень из глав о понятии об интимном и строении книги. Обычные ошибки. Использование позитивных выражений, не соответствующих реальному. Примеры из истории, изображенные в виде схем, таблиц и т. д. Это абсолютно не нужно. Плехановставил Гольбаха ниже других, просветил Лай-Гольбаха, а не Гольбаха. Это не соответствует реальному. Примеры из истории, изображенные в виде схем, таблиц и т. д. Это абсолютно не нужно. Плехановставил Гольбаха ниже других, просветил Лай-Гольбаха, а не Гольбаха. Это не соответствует реальному. Примеры из истории, изображенные в виде схем, таблиц и т. д. Это абсолютно не нужно. Плехановставил Гольбаха ниже других, просветил Лай-Гольбаха, а не Гольбаха. Это не соответствует реальному.

Недостаточно четко почеркнут основной грек Ф. Гольбаха, и прочие просветители, а именно: огульство в их учении есть общий недостаток.

Несмотря на это, Гольбаха, очевидно, не получилось то, что было описано в книге.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глубокое изучение.

Для исправления этого недостатка, очевидно, потребуется более глуб